

**ПРОБЛЕМА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РУССКОГО ПОЭТА В  
ИНОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ (ВЯЧ. ШАПОВАЛОВ «ЧУЖОЙ АЛТАРЬ»,  
2012)**

Вячеслав Шаповалов, будучи исключительно русскоязычным поэтом, после распада СССР, как и многие другие [1, с. 95], оказался в непростом положении. Книга «Чужой алтарь» передает, по определению Э. Прояевой, ощущение «инакости поэта в стране, чей культурный код не совпадает (или перестал совпадать) с общим» [8], автор признается: «Я чувствовал себя полностью обманутым».

Сложившаяся ситуация – результат национального строительства 1920-1930-х гг., когда государственные границы вновь создаваемых республик не совпадали с этническими, что закладывало основания для грядущих конфликтов. В работах по национальному вопросу Ленин, как известно, использовал европейский материал [5]. Однако переносить сегодня опять-таки западные принципы постколониальных исследований на бывшие советские республики не вполне корректно. Резко критикуя имперскую колонизаторскую политику России, Михаил Калишевский, тем не менее, пишет: «Но в то же время национально-государственным размежеванием казахскому, киргизскому, узбекскому, туркменскому и таджикскому народам была впервые предоставлена уникальная возможность развиваться как национально-государственные этносы» [3]. Илья Кукулин настаивает на специфичности роли русского интеллигента в «колониях»: «Перед нами – ситуация, прямо противоположная той, что описывает Эдвард Саид в книге «Ориентализм». Саид полагает, что интеллектуалы <...> вырабатывали «знание-власть» (по М. Фуко) и превращали мусульман Азии в отчужденный объект колониального управления». Обращаясь к переводческой деятельности Липкина, Тарковского, Петровых, Штейнберга, исследователь отмечает, что «они в очень малой степени чувствовали себя представителями колониальной власти. В период же после депортации знание интеллектуала (этнографа, историка или переводчика) оказывается своего рода контр-властью, основой для антивластной солидарности с колонизированными...» [4, с. 170-171]. Авторы коллективной монографии «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России» [9], исследуя литературное развертывание сюжета «внутренней колонизации», демонстрируют его неоднозначность и историческую изменчивость, вплоть до феномена «самоколонизации». Интеллигенция нередко оказывалась насильно перемещенной на национальные окраины, была репрессированной,

как и советизируемые этносы, что вело к формированию «гибридной идентичности». Можно вспомнить понятия «билингвального существования» или «межлитературных синтезов», введенные еще в 1970-х гг. словацким ученым Дионизом Дюришиным [2].

Тема «чужого алтаря» в книге Шаповалова визуализирована уже в оформлении обложки. На читателя смотрит каменный истукан и фрагмент изображения из зороастрийского святилища, а на тыльной стороне обложки – фотография Шаповалова на фоне книжных полок и иконы. Между этими двумя ликами-лицами располагаются стихи, раскрывающие внутреннее состояние русского поэта *Киргизии*.

В книге два раздела: «Парк тюркского периода» и «Век безъязычия». Лирический герой говорит о двух родинах: «я здесь родился, возлюбил чужой язык», «чужая земля где я любил где брошу отчий дом» [12, с. 49]. Сегодня он «меж двух родин теперь уже меж двух чужбин» [12, с. 31]. Есть обида на Россию, легко забывающей, как кукушка, о разбросанных птенцах [12, с. 75]; «Что страшнее, когда отвернулась Россия / от своих сынов?» [12, с. 12]. Однако в 2010 г. он публикует статью (совместно с писателем А. Тузовым) «Кыргызстан – сердцем и разумом», в которой осуждает колониаторскую политику России, рисует байский, айльский уклад, с его жесткой иерархией и традиционализмом, как идеал социального устройства («Думается, что спасительным был во всех исторических передрыгах для кыргызской нации ее стержень – традиционный кыргызский аил (айыл)»). Более того, в статье декларируется отказ от идеи «двух родин» – родина у человека всегда одна [10]. Русскому писателю в Киргизии приходится учитывать жесткую конфигурацию того социокультурного пространства, в котором он существует, выстраивать некую стратегию синтеза, диффузии «западного» и «восточного», «интеллигентского» и «айльского». Как проявляется эта обреченность судьбе в книге «Чужой алтарь»?

В стихах говорится о давнем присутствии русских в Киргизии: стихотворения «Пржевальский», «Etnographica», «Вечерний звон: реквием русскому паломничеству в изгнании», «Азийский круг», «Русская Троя», «Чужой алтарь» с эпиграфом из Афанасия Никитина, «У памятника Семенову-Тянь-Шанскому». С любовью вспоминаются две бабушки, украинка и русская: «... у них на двоих одна прялка / одна у них нить времен» [12, с. 128–129]. Лирический герой прекрасно понимает, что русский след будет стерт, что «до сих пор в крови течет Непрядва», что «союз государств <...> – мимолетных влечений игра», «если русский придет, то его неизбежен исход» [12, с. 73]. Поэт «принимает неотвратимость противоречия между древним, генетическим единством внутри этноса и более кратковременным межэтническим союзом» [6]. Настоящее видится лирическому герою бесстыдным разгулом наживы, дележки, вражды; не случайно всплывают слова «погром», «черный шахидский рассвет»,

«радостно-прекрасная барымта». Пламя войны вспыхивает между киргизами, узбеками и таджиками. В страшном стихотворении о событиях в городе Ош («Киргизский дискурс. 2010») лирический герой видит: «... чумную зарю...» [12, с. 88–89]. В стихотворном цикле «Плач по южным долинам. 2010» констатируется: «Рассыпается прошлое в прах, / И кипит на холодных ветрах, / Тлеет в тысячелетних котлах, / Брага / Братоубийства» [12, с. 91].

Имплицитно в книге стихов проявлены две позиции лирического героя: циника и стоика. С трагической иронией в стихотворении «L'artpoétique...» говорится, что стихотворчество не нужно в эпоху массовой культуры, но поэт – «счастливцев и изгой» – продолжает играть в мире, где рядом власть и страсть, где правда не отреклась от обмана [12, с. 124–125]. В одном из сонетов, посвященных Бахыту Кенжееву, снижаются всем знакомые советские концепты: «ослик тащит арбу ликом павлик морозов», «и ничто не забыто никто не сопит / никого не знобит и легко повторенье» [12, с. 30]. С сарказмом описывается «Хроника культурной жизни»: «дружба опять расправляет крыла, / Всех ублажила и всем дала...» [12, с. 86–87]. В стихотворении «Государственное танго» сатирически представлены поиски национальной идентичности, «инерция партийного жеманства» слита с верой «во всецелое шаманства». Возможно, лирический герой не включает себя в ряды «народных дел писателей», однако финал стихотворения циничен своим отчаянием [12, с. 83].

Вторая ипостась лирического героя – стоик. Он готов идти за своей мечтой: «И не повернуть обратно. / И не пожалеть об этом» [12, с. 126]. Его идеал – «аскет и мудрец» Михаил Гаспаров, заставивший уверовать, что «Бог есть Язык!» [12, с. 136]. В книге много посвящений поэтам и переводчикам, чей «памятник нерукотворный» – переводы величественного эпоса «Манас» и поддержание русской поэтической традиции: «Мы спели первыми силлабыдымныхТрой – / но эолийским слогом русского домена» [12, с. 9]. Упомянуты: Лев Шейман, Игорь Бухбиндер, Александр Никитенко, Михаил Гаспаров, Ефим Эткинд, Александр Жовтис, фрунзенские поэты «прошлого столетия», кроме того – Вознесенский, Елена Шварц, Заболоцкий, Кенжеев, киргизские поэты, Айтматов... Большая часть этих людей уже покинула наш мир [12, с. 166].

Стоицизм (как и «пушкинский код») продиктован не только политическими переменами, но и осознанием малости человеческой жизни перед лицом Вечности. Время и Вечность – важнейшие концепты межэтнического пространства у Шаповалова [7, с. 288]. Мотив вечного возвращения/статичности настойчиво звучит в книге: «Бесконечная Азия счет своим дням не ведет, / век не движется, ибо бессмысленно это движенье» [12, с. 72]; отсюда и ключевая метафора азийского *круга*. На фоне вечности резко ощутима краткость человеческой жизни – «мгновение бабочки на вечности

цветка». С щемящим чувством малости человеческой жизни связан третий облик лирического героя: не циник или стоик, а *лирик*. Приходит понимание, что «ни Бога, ни дьявола, и ты – один и ничей» [12, с. 44], посещает мысль о самоубийстве: «одурев от сомнений, моли о единственной пуле, / чтоб покинула ствол и любовно проникла в сознание, / и пропела тебе позабытое: ультиматуле!..» [12, с. 37]. Но – «как оставишь внуков и детей?» [12, с. 102]. Образом-символом личной (а не социальной или литературной) жизни выступает в стихах веточка арчи – можжевельника, покрывающего склоны Центрального Тянь-Шаня, неприхотливого вечнозеленого дерева с сильной корневой системой, растущего даже в расщелинах скал.

Открывает книгу «Сонет Салижану Джигитову», где утверждается, что в «киргизской лире» видно полмира, но «прочее – смертно и скрыто» [12, с. 4]. *Русская* лира Шаповалова, овеянная «смертным лиризмом», звучит как раз «скрытно», в подтексте. Так, в стихотворении «Серебряные шары» присутствуют характерные приметы стиля Шаповалова: доминирование мелодического рисунка над лексическим и синтаксическим членением, отсюда – отмена прописных букв в началах строк, отсутствие знаков препинания, слияние слов в единый фонетический комплекс, микширование слов разных стилистических пластов и даже разных языков, если обнаруживается омонимия (о-мин и аминь; фамилии Вулф и Вульф). Тема стихотворения – ностальгия по изысканности Серебряного века, горечь изгнанничества, желание «перемирия» перед лицом мировой трагедии, хрупкость человеческой жизни-пушинки, воздушного шарика. Американский писатель Томас Вулф известен, прежде всего, романом «Вернись домой, ангел», выразившим «потерянное поколение» первой трети XX в. Но назван в тексте и Виталий Вульф, элегантный и сдержанно-артистичный ведущий передачи «Мой серебряный шар». Программа рассказывала, широко используя документальные съемки, архивные материалы, фрагменты из старых фильмов, о судьбах интересных, ярких людей, таких, как Марлен Дитрих, Фаина Раневская, Мэрилин Монро, Горький и Маяковский... Шар из серебра символизировал творческую мысль, косвенно отсылал к Серебряному веку. Финальная строчка стихотворения Шаповалова напоминает о песенке Окуджавы «Голубой шарик». Кроме того, строфа подобна октаве (8 строк), но написана 4-стопным дактилем с редкой рифмовкой: АААЬСССЬ, т.е. кардинально отличается не только от поэмной строфы, но и от восьмистиший Абая Кунанбаева, или, допустим, восьмистиший Гумилева. Подобная рифмовка восьмистиший встречается в стихотворении Бродского «На смерть Элиота» (1965) (правда, там 5-стопный ямб и другие клаузулы: аааВсссВ). С текстом Бродского перекликаются такие детали, как одувачик, любовь, уходящая в темноту, тема смерти, минорная тональность. Бродский – эмигрант, космополит, номадический тип,

но связывающий кочевье не с Востоком, а с западным миром индивидуальной свободы; исследователи отмечают важность для философии Бродского концепта неумолимого и опустошающего времени [11]. Форма каденции в этом стихотворении Бродского напоминает интонирование православной литургии или распев хорала [13]. В свою очередь, стихотворение умершего в 1999 г. Бродского – подражание элегии Одена «Памяти У.Б. Йейтса». Такая творческая предыстория стихотворения соответствует основной лирической теме книги «Чужой алтарь» еще и в том смысле, что поэт – «переводчик» всей мировой традиции на свой личный, неповторимый язык (чужое как свое).

Завершает книгу стихотворение «В защиту свидетельств». Как и первое в книге стихотворение, этот финальный текст – тоже сонет, однако нарушающий каноническую форму: использован дольник, неточные рифмы, неожиданный анжамбеман во второй строфе, не говоря уж про лексический ряд и общую, отнюдь не гармоническую, смысловую наполненность. Новое нашествие варваров, занятых не войной, но «торжищами», свидетель может только зафиксировать – до тех пор, пока его не «зарезут». Прообразом свидетеля выступает в стихотворении Рубрук, причем, не столько исторический Гильом де Рубрук, путешественник XIII в., передававший свои впечатления от Монголии в книге «Путешествие в восточные страны», сколько незадачливый герой поэмы Заболоцкого «Путешествие Рубрука» (1958), в которой хан назван «Генералиссимус степей», он «волком смотрит на Европу». Переводчик, к чьей помощи прибегал Рубрук, охарактеризован как «наводчик с железной фомкой и ключом»; ср. у Шаповалова: «тонкого мира толковники в штатском но явно полковники» [12, с. 143]. Миссионерство Рубрука потерпело фиаско, его на прощанье напоили кумысом и «безотлагательную визу / Сфабриковали на отъезд». Прозрачные аллюзии на Сталина косвенно освещают и образ новых правителей Востока, а неудача Рубрука проецируется на миссию современного поэта-культуртрегера. Можно отметить у Шаповалова также ироническую отсылку к учению Льва Гумилева, чья характеристика восточных народов весьма востребована для выработки новой национальной идентичности киргизов, а также словечко «цурюк», созвучное слову «урюк», но омонимичное фашистскому окрику в адрес пленных; разговорный оборот «без цурюков» означает «без оглядки», «без возврата». Но возможна и еще одна ассоциация: в начале 2000-х гг. был очень популярен сингл *Kein Zurück* немецкой группы Вольфсхайм (Wolfsheim), названной так по имени одного из героев романа «Великий Гэтсби» Скотта Фицджеральда. Песню «Нет пути обратно» исполнял Петер Хеппнер, текст песни перекликается со многими мотивами стихов Шаповалова.

Шаповалов стремится связать два мира: русский и азийский, занимая позицию культурного посредника. Азийский круг для него – «свой чужой».

Но его лирический герой существует на острой грани между двумя разными этническими, историческими, культурными традициями. Это не трикстер, это свидетель глобального цивилизационного слома, возможно – обреченный с наступлением «нового ледникового периода», фиксирующий происходящее русским словом в «век безъязычия». Задача сохранения культурных и собственно литературных связей между бывшими союзными республиками представляется первостепенной, а изучение феномена «межлитературности» (Дюришин) имеет особое значение в полиэтнических сопредельных регионах.

### Литература

1. Гусейнов, Г. Карта нашей Родины: идеологема между словом и телом / Г. Гусейнов. – М.: ОГИ, 2005.
2. Дюришин, Д.. Теория сравнительного изучения литературы / Д. Дюришин. – М.: Прогресс, 1979.
3. Калишевский, М. Хорезмский эксперимент» большевиков / М. Калишевский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fergananews.com/article.php?id=6554C> – Дата доступа: 19.05.2015.
4. Кукулин, И.В. «Внутренняя постколонизация»: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970-2000-х годов / И.В. Кукулин // Политическая концептология. – 2013. – № 2. – С.149–185.
5. Олимов, М. В.В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии / М. Олимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.cac.org/datarus/st\\_13\\_olimov.shtml](http://www.cac.org/datarus/st_13_olimov.shtml) – Дата доступа: 19.05.2015.
6. Прокофьева, О.С. Самоидентификация лирического героя в произведениях русского поэта Киргизии В. Шаповалова / О.С. Прокофьева // Вестник кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына. Литература и перевод в меняющемся мире Кыргызстана. К 60-летию проф. В.И. Шаповалова. – Сер. 1. Гуманитарные науки – В. 5. Литературоведение. – Бишкек: КНУ, 2007. – С. 11-14.
7. Прокофьева, О.С. Русская литература на постсоветском пространстве Средней Азии: трансформация темы истории в творчестве русского поэта Кыргызстана В. Шаповалова / О. С. Прокофьева // Русскоязычные писатели в современном мире». – Вена: Венский литератор, 2014. – С. 287-293.
8. Прояева, Э. Диалог с Богом на краю бывшей империи. О стихах народного поэта Киргизии Вячеслава Шаповалова / Э. Прояева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/9/pr14.html> – Дата доступа: 19.05.2015.
9. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 960 с.

10. Тузов, А., Кыргызстан – сердцем и разумом / А. Тузов, В. Шаповалов [Электронный ресурс] // Дружба народов. – 2010. – № 1. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2010/1/tu12-pr.html> – Дата доступа: 25.03.2015.
11. Фрумкин, К.П. Пространство-время-смерть: Метафизика Иосифа Бродского / К.П. Фрумкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.countries.ru/library/twenty/brodsky/frumkin.htm> – Дата доступа: 17.04.2015.
12. Шаповалов, В. Чужой алтарь: Книга стихотворений / В. Шаповалов. – Бишкек: Турар, 2011. – 170 с.
13. Янечек, Дж. «Стихи на смерть Т.С. Элиота» / Дж. Янечек [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.telenir.net/literaturovedenie/kak\\_rabotaet\\_stihotvorenie\\_brodskogo/p3.php](http://www.telenir.net/literaturovedenie/kak_rabotaet_stihotvorenie_brodskogo/p3.php) – Дата доступа: 19.05.2015.